

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.07

УДК 94(47+57)»1941/45»

ББК 63.3(2)622

А.В. ШАЛАК

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ КАК ИСТОЧНИК И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Объектом исследования статьи являются народные рассказы о войне. К предмету исследования отнесены интерпретация народных рассказов как источника и метода исследования социальной истории регионов периода Великой Отечественной войны. Материал анализируется на основе проблемно-хронологического подхода и структурно-функционального метода. Обращается внимание на важность использования в подобных работах историко-психологического инструментария. Народные рассказы позволяют познать человека прошлого применительно к изучаемому периоду, совместить психологическое время человека и историческое время человечества, вписать разности индивидуальной жизни в макросоциальные процессы. Именно в таком понимании сюжеты народных рассказов выступают как метод социальной истории. Одновременно в народных рассказах отображаются коллективные воззрения рядовых людей, имеющие свои оценки, которые могут не вписываться в канву официальной историографии. Их собирательное мнение представляют также ценность в качестве важного источника, позволяющего более объективно исследовать социальную историю. Подобный подход открывает новые возможности для историков в области изучения прежде всего региональной истории. Для иллюстрации возможностей данного источника автор использует материалы книги «Народные рассказы о Великой Отечественной войне и послевоенном времени», где рассказчиками выступают простые люди, проживающие в основном на территории Иркутской области и Забайкалья. Использование подобных источников в академических исторических работах позволяет максимально отразить духовное и цивилизационное своеобразие народа, сделать историю по-настоящему народной и более объективной.

Ключевые слова: народные рассказы, Великая Отечественная война, повседневность, тыл, социальная история.

A. V. SHALAK

FOLK STORIES ABOUT THE WAR AS A SOURCE AND THE METHOD OF STUDYING THE SOCIAL HISTORY OF THE REGIONS THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The object of the article's research is folk stories about the war. The subject of the study includes the interpretation of folk stories as a source and method of

studying the social history of regions during the Great Patriotic War. The material is analyzed on the basis of a problem-chronological approach and a structural-functional method. Attention is drawn to the importance of using historical and psychological tools in such works. Folk stories make it possible to know a person of the past in relation to the period under study, to combine the psychological time of a person and the historical time of humanity, to fit the dimensions of individual life into macrosocial processes. It is in this understanding that the plots of folk stories stand out as a method of social history. At the same time, folk stories display the collective views of ordinary people, which have their own shades, assessments and sometimes do not fit into the canvas of official historiography. Their collective opinion and attitude to the ongoing events are also valuable as important sources that allow for a more objective study of social history. Such an approach opens up new opportunities for historians in the field of studying primarily regional history. To illustrate the possibilities of this source, the author uses the materials of the book "Folk Stories about the Great Patriotic War and the post-war period", where the narrators are ordinary people living mainly in the Irkutsk region and Transbaikalia. The use of such sources in academic historical works makes it possible to reflect the spiritual and civilizational identity of the people as much as possible, to make history truly popular and more objective.

Keywords: folk stories, the Great Patriotic War, everyday life, home front, social history.

Научные работы по истории войны основаны на документах, архивных источниках, официальной статистике. Воспоминания, которые пишутся спустя многие годы, содержат субъективные ситуационные оценки, требующие перепроверки и очень осторожного использования в научных исследованиях. При этом авторами мемуарных изданий являются, как правило, крупные руководители и военно-начальники, транслирующие субъективные оценки ситуации «сверху». В народных рассказах отображаются воззрения рядового человека, не генерала. И данная «окопная правда» имеет свои оттенки, оценки, которые порой не вписываются в канву официальной историографии. Именно таких мемуарных исследований явно не хватает, чтобы разбавить официальную трактовку собирательным мнением рядовых людей, их представлением и отношением к протекающим событиям. В данном случае исследователя не очень интересует жанровое разнообразие подобных документальных свидетельств. Независимо от этого, они представляют ценность в качестве важных источников при изучении будней войны, а также подключения исторической психологии для понимания и оценки той грандиозной эпохи. Последнее является наиболее слабым местом и неразработанным инструментарием исторической науки.

К сожалению, официальная советская историческая наука не очень нуждалась в подобных интерпретациях, поскольку руководствовалась

оценками, изложенными в партийных документах Академическое изложение истории войны без сопровождения ее историей повседневности, не отражало разнообразие процессов, превращало их со временем в скучные героические догмы. К сожалению, современная история войны как на фронте, так и в тылу крен делает в сторону имевших место просчетов и негатива. Поэтому написать объективную историю жизни людей в годы войны для разового прочтения, либо учебного изучения сложная задача, без дополнения историей повседневности решить которую невозможно.

Речь идет не просто о истории повседневности или о микро-истории, а об объективном изучении социальной истории. Последнее же достигается при условии более реалистического изложения поведения людей, их мотивов, ожиданий и целей. И с этой точки зрения, устная история (народные рассказы) может рассматриваться не только в качестве исторического источника, но и как метод исследования [1].

Следует отметить еще одну сторону изучения истории повседневности: ее гуманистическую направленность. Основным предметом исследования повседневности являются жизненные проблемы и практики тех, «кто в основном остались безымянными в истории» [2, с. 77].

Подобный подход открывает новые возможности для историков в области изучения прежде всего региональной истории. Только изучение регионального разнообразия социальной истории позволяет сформулировать выверенные оценки о жизни в тылу.

Для иллюстрации возможностей данного источника по истории в рамках данной статьи в качестве примере будем обращаться к материалам недавно изданной книги «Народные рассказы о Великой Отечественной войне и послевоенном времени» [3]. Рассказчиками выступают простые люди, проживающие в основном на территории Иркутской области и Забайкалья, а также Бурятии и Томской области. Территориально они представляют 16 районов и городов Иркутской области, шесть районов Забайкальского края (Читинская область), два района Республики Бурятия и г. Томск. Записи их рассказов в основном относятся к периоду конца 1970-х – 1980-х гг., немногие относятся к периоду 1990-х гг. и единичные до 2008 г. включительно.

Воспоминания содержат сюжетные рассказы сибирских старожилов о жизни во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Тематически они включают разделы о предвоенной ситуации, непосредственно на фронтах войны, о жизни иркутских старожилов на оккупированной территории и нахождении в плену. Но основная тема воспоминаний связана с жизнью в тылу в годы войны, а также в послевоенный период. Важными по содержанию являются рассказы, содержащие оценки нравственных устоев советского строя в сталинский период.

Отметим также, что, как правило, субъектами нарративов выступают сельские жители. В их воспоминаниях представлена не только история повседневности, но и народное осмысление того, что в наибольшей степени отложилось в сознании. Как правило, они отражают те события, которые нашли наименьшее отражение в научной литературе.

Ожидание войны в воспоминаниях очевидцев на уровне бытовой психологии отмечается повышенной тревожностью, которая не вписывается в традиционную историографию. Большинство людей, проживающих в сельской местности, были мало знакомы с официальными документами, радиоточки были далеко не в каждом населенном пункте. Поэтому восприятие кануна войны сельским населением «воспроизводится» по факту событий, не имеющих прямой связи с официальной информацией. Предсказание войны ассоциируется с отложившимися в народной памяти различными видениями, снами, трактовками природных катаклизмов.

В рамках советской исторической школы субъективное истолкование подобных фактов не являлось предметом исторической науки. В этом смысле историческая реконструкция не доходила до структуры личности, типологий и классификаций психических процессов и свойств. Она останавливалась на материалистическом обобщении реконструируемого снизу эмпирического материала. Субъективизм историка здесь заключался в отборе материала для объяснения причинно-следственных связей. Такая методологическая строгость и субъективизм в отборе фактов понятны. Если на нагромождение невыборочных фактов налагается некая математическая формула, то в итоге получают наукообразные фантастические выводы, мало что имеющие к действительности. Таким союзом с математикой грешат многие исторические исследования. Найти золотую середину оказывается совсем не просто, если учесть, что многие историки интерпретируют исторические факты, исходя из своих идеологических приоритетов.

Наибольшую помощь в решении данной проблемы может оказать психология. Л. Февр, один из основателей школы «Анналов», рассматривая соотношение истории и психологии, писал об этой задаче историков еще до войны [4, с. 97-108]. Чтобы услышать и понять в исторических источниках подтекст, «жизнь», некий символический спектакль, и при этом избежать публицистического литературного жанра, требуется научно представить в структуре исторических работ психологию с разработанным междисциплинарным историко-психологическим инструментарием. Только совместная работа в этой области историков, психологов, социологов позволит реконструировать смысловые структуры ушедшей эпохи, познать человека прошлого применительно к изучаемому периоду, совместить психологическое время человека и историче-

ское время человечества, вписать размерности индивидуальной жизни в макросоциальные процессы [5, с. 110]. Именно в таком понимании сюжеты народных рассказов, в которых речь идет о субъективном предсказании войны, также могут стать предметом исторических исследований.

Несмотря на индивидуальность воспоминаний, у них есть некий общий контекст, позволяющий судить об отлаженности государственной мобилизационной системы. С первых дней войны, призванных из самых далеких населенных пунктов, доставляли в районные центры, откуда они распределялись по командам. Многие отправлялись на несколько месяцев на учебу в школу командиров, связистов, политработников и т.д. Данное обстоятельство имеет отношение не только к мобилизации мужского населения в армию, но и организации трудовых отношений, переселенческой политики, отдельным элементам социальной политики. Это восприятие действительности не позволяет утверждать о растерянности власти, дезорганизации, состояния хаоса и может стать основой для оценки мобилизационной системы. При этом нужно понимать, что в данном случае речь идет о восприятии деятельности власти в глухом тылу.

Воспоминания о войне ее рядовых участников интересны воспроизводством отдельных аспектов фронтовых будней, которые, как правило, не находят отражения в научных работах. При всей их неоднозначности, они требуют отдельного осмысления и дополнительного изучения. В частности, интересные сведения содержатся в воспоминаниях о борьбе с немецкими дотами. Создавались специальные разведгруппы, которые пробирались к дотам и забрасывали туда подожженные телогрейки, обмоченные бензином или керосином. А отверстие в дот перекрывалось, чтобы их невозможно было выбросить обратно [3]. Возможно, подобные действия являлись разовыми событиями, не нашедшими отражения в официальной историографии войны, но именно они отложились в памяти ее участников.

Аналогичное значение имеет упоминание в воспоминаниях фактов использования в годы войны собак для борьбы с танками. История использования служебных собак в период войны не получила сколь-нибудь заметного отражения в исторической литературе. Развитие служебного собаководства в стране началось еще в довоенный период, но с 1932 г. деятельность Центральной военно-технической школы дрессировщиков Красной Армии была строго засекречена. Возможно, по этой причине литературы по теме использования собак непосредственно в боевых условиях очень мало. Как правило, приводится несколько случаев их успешного применения. В битве за Сталинград обученными собаками было уничтожено 42 танка, в период битвы на Курской дуге 12 танков [6]. Их натаскивание было основано на «рефлексе Павлова»: «Они собак-то

под заведенным мотором кормят. Как мотор зашумит, так собаки лают. ... Год проходит, она, где мотор услышит, туда бросается...» [3, с. 47].

За годы Великой Отечественной войны было направлено в действующую армию 231 подразделение и части военного собаководства, подготовлено три тыс. офицеров, восемь тысяч сержантов и 32 тысячи вожатых- собаководов. Более трех тысяч человек из них были награждены, около 50 вожатых-собаководов стали полными кавалерами ордена Славы, есть среди них и Герой Советского Союза. О признании их роли в деле уничтожения танков может свидетельствовать факт участия этих подразделений в параде Победы. Во главе колонны военных собаководов шел молодой генерал Медведев Г.П., которому воинское звание генерал-майора войск связи было присвоено еще в ноябре 1943 г. [7]. К сожалению, эта страница истории войны практически никак не вписана в многотомную летопись Великой Отечественной войны.

Война включает множество случайностей, которые не влияли на оперативный, тем более стратегический успех, но составляли обыденность военных будней. В воспоминаниях отражаются как раз такие досадные случайности, которые вряд ли когда-либо входили в официальные сводки. Например, командир дивизии, поехавший ночью инспектировать передовую, по ошибке выехал в нейтральную зону. Чтобы сориентироваться на местности, одна из машин сопровождения была вынуждена включить фары. В итоге командир дивизии погиб от огня противника. Его тело в конце концов удалось вынести к своим, но вокруг этого инцидента местного значения, которое ни на что не влияло, «погибло много наших воинов там в это время при вырубке генерала». Возможно, в сводках Информбюро подобные столкновения проходили строкой как «бои местного значения» [3, с. 18]. Подобные «случайности» имели место в течение всей войны, отличаются масштабом и разнообразием. Например, могли забыть сменить троих солдат, посланных в дозор [там же, с. 21]. Воспоминания сохранили сведения о буднях нахождения в зоне боевых действий в условиях распутицы: «А в окопе вода до шеи. Пуля свистит – голову опускаешь, вода в рот наливается. Все было, по трое суток не спали...» [там же, с. 46].

Погибали на войне не только от пуль и снарядов врага, но и по своей халатности, в том числе из-за неосторожного обращения с оружием [там же, с. 45]. В г. Франкфурте погибла целая батарея: «Пили какой-то паленный «шнапс» [там же, с. 132]. Потери были связаны также и с различными авариями, которых было немало и отдельные из них были весьма масштабными.

Однако подлинность подобных рассказов требует тщательной проверки, которая по многим причинам невозможна. Не все рассказы о масштабных катастрофах находят подтверждения в исторических

источниках. Приведем только один подобный пример из «Народных рассказов...», в котором речь идет о катастрофе на станции Намала по Красноярской железной дороге: врезались друг в друга два эшелона, один из них был с боеприпасами, а другой с людьми. По версии рассказчика, «...трупов было много» [3, с. 188]. Данный случай произошел в самом конце войны, когда осуществлялась переброска войск на восток. Однако столь масштабная катастрофа не нашла отражения в историко-краеведческой литературе, не имеется на карте Красноярской железной дороги и такой станции. Именно поэтому при обработке подобных нарративов, специалисты должны проверять их, хотя бы, на предмет поверхностной достоверности.

Воспоминания сибирских старожилов затрагивают вопросы снабжения и вооружения воинских частей в отдельные периоды на отдельных участках ведения боевых действий [там же, с. 28]. Интересные сведения содержат эти воспоминания также с точки зрения практики комплектования частей, которые вполне актуализированы в рамках специальной военной операции на Украине. Высокий уровень боеспособности и низкие потери в своем подразделении участник боевых действий объясняет тем, что часть была сформирована наполовину из молодежи и «стариков», которые «умнее, мудрее, ...подскажут, ...одернут» [там же, с. 19].

Воспоминания содержат новые, с точки зрения советской историографии, оценки бытовых взаимоотношений с представителями различных национальностей на передовой. «Между бойцами отношения были дружные, поддерживали друг друга. Разве что невзлюбленные войска были: узбеки, киргизы, таджики, как бельмо. Как че случится, ни черта по-русски не понимают... Ну хоть сейчас его застрели:... все время лежат. Если останутся, они переходили в плен, или куда девались, или сами убегали внезапно. Тяжелый народ были... Редко из них были хорошие». «...Если дадут в напарники нацмена, ... везде предупреждали. Ты за ем уже смотреть, чтобы он не убежал» [там же, с. 27-28, 62]. Свидетельства сохранили и оценки непростых отношений с местным населением в Западной Украине. Они подтверждают выводы современных исследователей о достаточно высокой степени поддержки бандеровского движения среди местного населения: «Дивизию отправили, окружили лес, около тысячи человек обнаружили... бандиты они все. В леса уходили целыми деревнями старики, женщины, дети. Свои же против своих» [там же, с. 67]. Таким образом палитра взаимоотношений между призванными в Красную армию была гораздо сложнее и не вписывалась так однозначно в тезис о «нерушимой дружбе между советскими народами».

Советская историография совсем не касалась и многих других острых тем, имеющих отношение к взаимоотношениям советских солдат с населением на оккупированных территориях, а также подарками

отъезжающим на родину советским воинам. В настоящее время на этой теме активно спекулируют как за рубежом, так и в современной России, поэтому она требует объективного освещения не только с опорой на архивные документы, но и воспоминания очевидцев. Факт получения подарков увольняемыми в запас после взятия Берлина, несомненно, имел место. Широкое обобщение этой темы по воспоминаниям участников войны могло бы в значительной степени помочь ее всестороннему и объективному освещению. В этом нет никакого умаления великой Победы или подлинного героизма советских солдат, и вполне вписывается в обыденную практику войны, которую нельзя идеализировать. Данная проблема находит отражение в воспоминаниях иркутских фронтовиков: «Выдали материал для подарков, десять килограммов муки, ишо че-то – тащить невозможно» [3, с. 21]. Участники парада Победы получили «стандартные, американские подарки». В Германии солдатам разрешали посылки посылать по два раза в месяц, весом не более восьми килограммов, а офицерам по 12 кг [там же, с. 54]. При этом рассказчик обращает внимание на то, что подобная мера сдерживала притеснение и грабежи в отношении немецкого населения. «Начальство не давало нашим солдатам шибко-то грезить, прижимали. А дай волю – че солдаты? Грабить начнут и бить – дескать, враги. А вот не давали. Какие бы оне враги не были, но нельзя» [там же, с. 83].

Учитывая накопившуюся ненависть к нацистской Германии, можно было спроецировать реакцию советской армии в отношении мирного населения. Известна фраза Сталина, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», но, чтобы перевести данное целеполагание в плоскость реальной политики, требовалось предпринять немалые усилия. Еще до перехода наших войск границы через командный состав постарались довести определенные «нормы поведения», которых необходимо было придерживаться на освобождаемых территориях. Солдаты были предупреждены, что факт изнасилования или венерическое заболевание будет оцениваться как дезертирство со всеми вытекающими из этого последствиями. «Так что там с девушками ... все боялись. Рядовой состав – в штрафную роту. Поэтому там мы этого не делали» [там же, с. 31]. Отдельные эксцессы на почве естественной ненависти, питаемой войной, были, но в основном они имели место в начальный период освобождения Германии. «А потом ... за это стали расстреливать. Много наших солдат, даже из офицеров расстреливали» [там же, с. 131]. Стоит отметить, что союзные войска отличались еще большей жесткостью к немцам. Первоначально немецкое население побежало к американцам, но американцы их так встретили («шерстили»), что они побежали обратно. Поэтому, по воспоминаниям очевидцев, широкого и повсеместного распространения практики жестокого отношения к мирным жителям не

было. Дело здесь не только в официальной позиции советского руководства, директивы которого требовалось строго выполнять, но и в устоях той традиционной нравственности, которая была свойственна военному поколению. Рассказчики отмечают отсутствие мародерства в тылу. «Никогда не было слышно, чтобы кого-то изнасиловали... Этого никогда не было. Никто ничего не боялся» [3, с. 181, 211]. Нет ни в одном воспоминании даже намека на подобные эксцессы. В совокупности это позволяет с высокой долей объективности утверждать, что сведения о «массовых изнасилованиях» на оккупированной территории, распространяемыми западными СМИ, не имеют отношения к реальной действительности.

Воспоминания позволяют отчасти провести сравнительный анализ отношений советских солдат с местными жителями на освобожденной территории. В частности, отмечается более дружелюбные отношения с немецким населением, которому наши солдаты отдавали свой хлеб. Подобные оценки также давались по опыту нахождения в Польше, с которой формально мы воевали против Германии: «Поляки там из-за угла убивали наших офицеров и солдат. Они не любили русских почему-то. И было очень страшно ходить ночью» [там же, с. 117, 129]. В советский период такие свидетельства в силу пропагандируемой дружбы между народами, «ставшими на путь строительства социализма», не воспроизводились. Однако, как свидетельствуют воспоминания, даже во время совместной борьбы против немецкого нацизма эти отношения были далеки от солидарных, как и отношения между советскими воинами различных национальностей.

Отдельная и наиболее трагичная история войны имеет место к санитарно-эпидемиологическим мероприятиям в местах ведения боевых действий. Солдаты, которые проходили службу в «похоронных командах» уже в годы войны находились в преклонном возрасте, поэтому воспоминания о их службе редки и тем самым имеют особую ценность. «Я в трофейной команде служил... Всех наших солдат хоронили вначале в полном боевом обмундировании, даже с оружием и всем прочим. А вот с 1942 г. начали раздевать...» [там же, с. 36]. Особенно остро проблема своевременного захоронения погибших стояла в местах интенсивных боев, которые сопровождались огромными потерями. Захоронение требовалось осуществить до весны, чтобы не допустить распространение инфекций и попадание ее в водозаборы. В «Народных рассказах...» приводятся воспоминания о непростой работе в составе подразделений, занимающихся захоронением погибших в период Сталинградской битвы. На эту работу направили боевые подразделения, местное население, привлекли весь транспорт, имеющийся в наличии. «Саперы подготовили двенадцать ям братских с расчетом заложить в каждую яму по две тысячи человек. ...Нам солдатам были сделаны та-

кие здоровые крючки – немца за бороду тяпнешь, и повез хоронить.... Ямы были разбиты на сектора. В секторах работали счетчики, укладчики и рубщики еще. Потому что немцы позамерзали все как попало.... Вот и пришлось, когда закладывали в яму, рубщики отрубали руки и ноги и рядом с телом ложили, чтобы две тысячи в ряд уместились. Немцев отдельно хоронили... Да еще раздевали, одежду снимали... Страшно это все конечно» [3, с. 43].

Деятельность подразделений, которые осуществляли эти мероприятия, не могла стать предметом исследования в советский период. Однако и сегодня находят отражение в исторической литературе лишь вопросы, связанные с захоронением умерших в госпиталях. Что же касается подобных исследований по местам ведения боевых действий, то они представлены очерками историко-публицистического характера [8]. Впрочем, исследования немцев по этой теме также ограничены немногими воспоминаниями [9]. В них картина погибших захоронений немцев описана более сусально, но это только до периода отступления.

В Красной армии вопросы захоронений погибших воинов регулировались Приказом наркома обороны СССР № 138 «О порядке погребения погибших военнослужащих офицерского, сержантского и рядового состава», который был издан 15 марта 1941 г. по итогам и опыту советско-финской войны [10]. В этом документе была детально изложена процедура захоронения погибших солдат и офицеров. В соответствии с этим приказом в каждом полку создавались команды погребения. В приказе указывалось, что вынос погибших в бою и их погребение является обязательным «при всех условия боя». Приказ детально регламентировал процедуру погребения, начиная от выбора места и самого процесса погребения, включая умерших после ранения в госпиталях. Офицеры подлежали захоронению только в индивидуальных могилах. Хоронить солдат и офицеров полагалось в одежде, а офицеров в обуви. 22 декабря 1941 года вышла Директива Главного политического управления Красной армии «Об организации погребения трупов погибших красноармейцев» [11]. Данный документ обращал внимание на своевременное захоронение погибших солдат, их тщательный учет, а также упрощал процедуру захоронения. В частности, в директиве речь идет о захоронении красноармейцев, командиров и политработников не отдельно, а в братской могиле.

В начале апреля 1942 г. издан приказ НКО № 106 «Уборка трупов вражеских солдат и офицеров и приведение в санитарное состояние территории, освобождаемой от противника». В соответствии с приказом в действие вводилась инструкция, согласно которой погребением погибших должны были заниматься и местные органы власти [12, с. 19]. Однако на практике реализовать это постановление не представлялось

возможным. 14 февраля 1944 г. издается приказ наркома обороны по учету личного состава. В нем в части захоронений погибших военнослужащих повторялись положения довоенного приказа № 138, в том числе обязательное захоронение офицеров в индивидуальных могилах [13]. Этим исчерпывается нормативная база по вопросу захоронений павших воинов в годы Великой Отечественной войны. Если опираться на данные документы, то обращает на себя внимание в приведенных нарративах два аспекта: имевшее место захоронение с оружием, а также то, что погибших перед захоронением раздевали, в том числе и немецких солдат. Поскольку упомянутые документы предусматривали захоронение в одежде, но без оружия, то вряд ли данное воспоминание соответствует в этой части действительности. Возможно эта неточность объясняется тем, что автор нарратива служил в трофейной команде, а не погребальной.

Книга содержит также раздел с воспоминаниями наших земляков, оказавшихся на немецкой оккупированной территории или в плену. Повествование солдат, побывавших в плену, содержат объяснение причин пленения неразберихой войны, неопытностью и растерянностью. В этом они ничем не отличаются своей обыденностью от подобных воспоминаний, которых сохранилось множество. Свидетельства об отношениях с немцами на оккупированных территориях интересны фактами, которые не укладываются в традиционную канву о их зверствах по отношению к местному населению. «Смотрю, он берет меня на руки, плачет и говорит: «Май кинде, май кинде!» С кармана вытаскивает фотокарточку: девочка стоит в черном платье, белый воротничок... И эта его девочка, его дочь-то, похожа на меня... И он мыло давал. Шоколад нам давал, макароны нам давал. В общем, он тут приказал всем, и немцы нас не обижали, мы жили хорошо» [3, с. 91].

Воспоминания о жизни в оккупации и концлагере особой новизной не отличаются. Воспоминаний на эту тему достаточно много и их отличает однотипный характер о перенесенных лишениях и тяготах. Примерно таким же содержанием отличаются и воспоминания о жизни в тылу в годы войны. В них содержится характеристика трудовых отношений, вопросы оплаты, административный контроль [там же, с. 156, 158]. Лишь в редких опубликованных воспоминаниях речь идет о том, что за хороший труд можно было получить хорошее вознаграждение. «Хорошо поработаешь – и получишь восемьсот грамм хлеба» [там же, с. 167]. Очень многие воспоминания содержат информацию о том, что, несмотря на жесткие меры в отношении хищений, население регулярно «подпитывалось» за счет общественного хозяйства. Запрет на подбор колосков с полей, особенно весной, был понятен местному населению. Особенно они касались детей, которым трудно было устоять от подобных соблазнов. Эти меры помогали сохранить подрастающее поколение. «Ребяти-

шек проверяли. Причем, эти колоски, когда перезимуют, были опасны и вредны для здоровья» [3, с. 184]. В этом смысле народные рассказы заставляют более сдержанно относиться к утверждениям многих историков о жестокости «административной системы», запрещающей собирать колоски на колхозных полях. Заболевание «септической ангиной» было выявлено в начале 1930-х гг., и оно возникало весной после приема в пищу перезимовавшего на полях под снегом зерна.

При этом, само понимание полуголодного существования у всех было разным. Кто-то искал выход в сборе колосков на полях, а у других вспоминают о голоде так: «Кормили плохо: галушками из овсянки да конским мясом» [там же, с. 204]. В целом, картина с обеспечением продовольствием являлась достаточно пестрой и описывать ее только через призму откровенно «голодного существования», что свойственно многим современным публикациям о жизни в тылу, было бы явным упрощением. «Во время войны здесь, в Буре, не было случая, чтобы кто-то умер от голода. Не было. ... Истощения такого не было. ...находили выход». «Раньше же продукты свои были. Масло, того другого ... (председатель) куда-нибудь вывезет, продаст, на базар – потом привезет, колхозников кормит» [там же, с. 240]. Воспоминания рядовых тружеников о жизни в тылу позволяют вполне достоверно описать историю адаптации населения в регионах к условиям жизни в военное и послевоенное время. Они отражают изменение роли женщин в производственной деятельности, роль новых источников питания, особенности администрирования в отношении разнообразных запретов, а также выполнении трудовых норм.

Народные рассказы позволяют также прийти к вполне объективным выводам по проблеме голода в годы Великой отечественной войны. В советское время эта тема не могла получить отражения в работах историков в силу особенностей политического режима. В постсоветский период она политизирована, что также не способствует ее объективному изучению. Стремление части исследователей отнести проблему голода к некоему «потаенному знанию» семьи, выполняющему функцию защиты старшего поколения от негатива, вряд ли можно признать продуктивным [14, с. 306]. В этом случае, отсутствие голода нужно трактовать не как факт, имеющий место, а как нежелание говорить об этом в силу его «тревожности» для психики старожилов. Скучное существование нужно соотносить с конкретно-историческим контекстом, вне этого «голод» можно переносить на любой период, в том числе и постсоветский. Голод как доминирующая потребность на территории Восточной Сибири имел отношения к отдельным людям, или группам (например, эвакуированным), а также отдельным территориям в определенных временных рамках. Например, реальный голод на территории Восточной Сибири, который воспроизводится и по архивным документам имел место в только в

отдельных населенных пунктах (дистрофия, опухание от голода и даже случаи смерти от голода). Все эти случаи тщательно фиксировались, поименно и территориально. Есть несколько записок Л. Берии по голоду на отдельных территориях Бурятии, Читинской и Иркутской области, которые он передавал для ознакомления в государственный комитет обороны Сталину, Молотову и Маленкову. В них поименно фиксируются семьи голодающих и районы, где они проживают [15]. Воспоминания, воспроизведенные в «Народных рассказах...» фиксируют скудность питания и ограниченность его источников. При этом речь идет о сельском населении, которое осталось вне нормированного распределения продуктов и могло опираться только на личное подсобное хозяйство, а также отчасти на продукцию, получаемую на трудодни.

Среди основных мотивов в устных нарративах о жизни в тылу можно выделить много общих мотивов: ограничения в питании и новые источники продуктов питания, которые позволяли как-то сохранять трудоспособность. При этом часто речь идет о чрезвычайно важном значении наличия коровы в хозяйстве, которая спасает семью от реального голода. Еще один важный аспект воспоминаний – тяжелый труд и жесткая административная система, которая требовала неукоснительного выполнения плановых заданий и своевременной уплаты налогов. При этом случаи наказания за воровство, сбор колосков, неуплату налогов очень редки. Сентенции по поводу недостатка продуктов, голода часто воспроизводятся в обращении к собеседнику или современному времени, чтобы подчеркнуть контрастность различных исторических периодов в жизни рассказчика. То есть они не являются эксклюзивными мотивами [14, с. 308, 310]. Нарративов, в которых речь идет о случаях дистрофии, опухания и голода от смерти в представленном сборнике «Народных рассказов...» нет. Как правило, их крайне мало и в других подобных изданиях. В то же время именно на этих аспектах делают акцент некоторые исследователи, обращаясь к теме жизни в тылу в годы войны [16].

Несмотря на все сложности и строгости военного времени, было явное понимание их необходимости и внутренней поддержки. Воспоминания людей не содержат прямого негатива в отношении власти: «Строгая была сталинская дисциплина. Ну и люди были не такие, люди были дружные, не то, что сейчас». «Никогда не боялись. Никогда никого не боялись... все дружно так, дружно. Дружный народ был». «А все-равно как-то веселее жизнь была... делились куском хлеба, не было воровства нигде никакого»; «... народ уставший, полуголодный, – а все-равно, шутки, прибаутки, песни...» [3, с. 195, 199, 219, 223].

В трудах историков давно обоснованы преимущества советского строя, ныне явно подзабытые. Именно эта система общественных отношений при гораздо меньших людских и материальных ресурсах и

смысловым (идеологическим) целеполаганием смогла перемолотить объединенную мощь европейских государств. Воспоминания иркутских старожилов не позволяют усомниться в этом выводе. Однако в данном случае народные рассказы позволяют оценить не столько роль идеологии, сколько традиционные цивилизационные ценности. Именно опора на коллективистские отношения, доверие и взаимопомощь в сочетании со строгой дисциплиной позволяли решить проблемы и преодолеть тяготы военного времени. «Друг другу помогали – вот народ и выжил», «...почему одолели всю эту нечисть – фашистов? Потому что народ душевно, духовно сильный был!» [3, с. 310]. И это все контрастно противопоставлено в воспоминаниях оценкам ситуации накануне распада советской государственности и постсоветского периода. «А сейчас-то, наверное, ни за что бы народ не выжил, потому что сейчас бедному никак не помогут» [там же, с. 225].

Интересны также воспоминания переселенцев в Забайкалье из западных областей. Они имеют отношение к пониманию причин, которые подвигли их переехать в столь далекий для них регион, оценка быта местного населения и условий жизни. Кроме того, подобные воспоминания помогают оценить межрегиональные различия не только по условиям жизни, но и культурно-бытовому разнообразию. В советский период переселение в восточные районы носило плановый характер. Часть рассказов переселенцев относится к тем, кто переехал в регион в рамках переселенческой кампании еще до войны. К группе спецпереселенцев относились высланные с западных районов, как не желавшие вступать в коллективные хозяйства. Но основная часть воспоминаний переселенцев имеет отношение к тем, кто добровольно переехал в Забайкалье в поисках лучшей доли в послевоенные годы (с Западной Украины и Воронежской области).

Первые переселенцы имели слабое представление о месте своего будущего проживания в сибирской глуши. Однако в памяти сохранились воспоминания о самом процессе переселения. Все время в пути (более 20 дней) их хорошо кормили, они имели возможность регулярно мыться в бане. В Чите по случаю их приезда состоялся митинг, по прибытию в районный центр (Сретенск) также был организован митинг. На месте их постоянного проживания были подготовлены и побелены избы. На первое время предоставлены вода, хлеб, дрова. Несмотря на все проблемы, никто из переселенцев не уехал [там же, с. 325-326].

С этой точки зрения, интересны рассказы людей, оказавшихся в Сибири, об условиях жизни в послевоенный период (1956 г.). В них отмечается, в сравнении с западными районами, хорошее снабжение, наличие в продаже промтоварных добротных вещей, продуктов, вин [там же, с. 317-318]. Создается впечатление, что в Сибири коллектив-

ные хозяйства восстановились гораздо быстрее после войны, чем в центральных и западных областях. Забайкальский край в постсоветской России является одним из самых запущенных регионов страны. Воспоминания же прибывших в 1950-е гг. на эту землю переселенцев рисуют вполне благополучную картину быта: «Пекарни было много, хлеб хороший был... Там было огурцов, помидоров при колхозах – страх! По перву было здесь хорошо – и хлеб хороший, и порядок» [3, с. 320].

Рассказы переселенцев также воспроизводят непросты проблемы адаптации. Переехали они из степной зоны в лесную. Никто из них не умел косить. Печи топили в новых местах проживания не кизяком, а дровами, которые нужно было уметь заготовить. Непривычными для переселенцев были поначалу и особенности забайкальского быта: все жевали серу, ходили в ичигах, шароварах и курили, в том числе женщины, матерились. Еще местные жители были большими любителями чаепития, чего на западе не понимали. Адаптация требовалась и на уровне бытового языка: кочерга здесь называлась клюкой, кисто – тестом, дежа – квашней, хаты здесь белили известью, а не мелом и т.д. [там же, с. 319, 322, 323, 324].

Таким образом, публикация народных рассказов представляет несомненную ценность для исторической науки и в качестве важного источника, в котором аккумулируется «коллективное мнение», и в качестве метода, который позволяет интерпретировать прошлое. Широкое введение в научный оборот подобных данных позволяет найти золотую середину в непростом изложении и оценках социальных процессов в регионах, конкретно-исторических зарисовок, что по совокупности способно придать историческим исследованиям более интересный и привлекательный для массового чтения характер. Одновременно народные рассказы позволяют актуализировать многие неизученные страницы военной истории, не нашедшие отражения в академических работах, но отложившиеся в народных рассказах. А главное, в этом случае можно будет максимально отразить духовное и цивилизационное своеобразие проживающих в регионе народов, сделать социальную историю по-настоящему народной и более объективной. В этом будет заключаться и прикладная функция исторической науки, связанная с оживлением интереса граждан к прошлому опыту.

Слишком большой временной период между событиями войны и современностью делает данную проблему еще более актуальной. В архивах и музейных фондах хранится разнообразный материал, который требует к себе срочного внимания, поскольку магнитные пленки разрушаются. Информация на бумажных носителях также нуждается в предельно бережном отношении. Если срочно не ввести эти источники в научный оборот, они навсегда могут быть утрачены для историков.

Поколение людей, которые являлись живыми свидетелями той эпохи, ныне уже стали историей. Восстановить материалы не представляется возможным. Именно поэтому обработка и издание собранных, но не обработанных, многочисленных воспоминаний обладает особой ценностью и значением.

Список использованной литературы и источников

1. Ковальская С. И. Устная история и новые возможности в изучении истории Казахстана / С. И. Ковальская. – URL: <http://www.enu.kz>
2. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке ; [пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 268 с.
3. Народные рассказы о Великой Отечественной войне и послевоенном времени : сборник / сост. Г. Н. Зиновьев ; отв. ред. Р. П. Матвеева. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – 384 с.
4. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – Москва : Наука, 1991. – 627 с. – URL: <file:///C:/Users/Shalakov/Downloads/658487a.pdf>
5. Шалак А. В. Историческая психология как метод очеловечивания истории / А. В. Шалак // Психология в экономике и управлении. – 2009. – № 2. – С. 107-110.
6. Собаки – истребители танков в годы Великой Отечественной войны // Собаки на войне. – 05.05.2015. – URL: <https://wardog.pp.ua/sobaki-istrebiteli-tankov-v-velikoj-otechestvennoj-vojne>
7. Швабский В. Л. Мифы и правда о военном собаководстве / В. Л. Швабский. – URL: <http://www.voennoe-sobakovodstvo.ru>
8. Сомов К. К. Война: ускоренная жизнь / К. К. Сомов. – Барнаул, 2010. – 616 с. – URL: https://clck.yandex.ru/redirect/nWO_r1F33ck?
9. Хендрик Ф. В огне Восточного фронта. Воспоминания добровольца войск СС / Ф. Хендрик. – Москва : Яуза-пресс, 2009. – 448 с.; Дегрель Л. Русская кампания 1941-1945 / Л. Дегрель. – URL: https://archive.org/stream/LeonDegrelRUS/Leon%20Degrel%20Russkaja%20Kampanija_djvu.txt; Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета / Г. Бидерман. – Москва : Центрполиграф, 2005. – URL: http://militera.lib.ru/memo/0/one/german/bidermann_gh.zip
10. Приказ с объявлением положения о персональном учете потерь и погребения личного состава Красной армии в военное время № 138 от 15 марта 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). – Москва : ТЕРРА, 1994. – 368 с.
11. Директива ГлавПУ РККА военным советам и начальникам политуправлений фронтов и армий об организации погребения трупов погибших красноармейцев № 307 от 22 декабря 1941 г. // ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 920265. – Д. 4. – Л. 275-276. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/192104-direktiva-glavpu-rkka-voennym-sovetam-i-nachalnikam-politupravleniy-frontov-i-armiy-ob-organizatsii-pogrebeniya-trupov-pogibshih-krasnoarmeytsev-22-dekabrya-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>
12. Ильин Е. В. Забытые солдаты войны / Е. В. Ильин // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – Вып. 4. – С. 16-21.

13. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 023 14 февраля 1944 г. Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время). – URL: <https://www.soldat.ru/doc/nko/text/1944-023.html>

14. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. — Москва : Индрик, 2001. — 376 с.

15. Шалак А. В. К оценке масштаба голода 1946-1947 гг. / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2009. – Т. 10, № 2. – С. 100-108.

16. Матлин М. Г. Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941-1945 гг. / М. Г. Матлин // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 42-54; Матлин М. Г. Жанровое своеобразие устных рассказов о голоде 1941-1945 годов / М. Г. Матлин // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 113-126; Матлин М. Г. Устные рассказы о голоде 1941-1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья / М. Г. Матлин // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 147-160; Баранова В. В. Устные воспоминания крестьян о войне / В. В. Баранова // Фольклор Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. – Тверь : Золотая буква, 2005. – С. 78-97; Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в селах Ульяновской области в конце XX – начале XXI веков / сост. М. П. Чередникова. – Ижевск : ИП Пермьяков С.А., 2015. – 254 с.; Рыков А. В. Производственная и повседневная жизнь в алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны: устная история / А. В. Рыков // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г. : материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25-26 ноября 2010 г. – Барнаул, 2011. – Вып. 7. – С. 281-288; Спустя полвека...: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / составитель В. Н. Бекетова ; вступ. стат. В. Федоровой. – Курган: Парус-М, 1994. – 95 с.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru

Author

Alexander V. Shalak – D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakav@bgu.ru